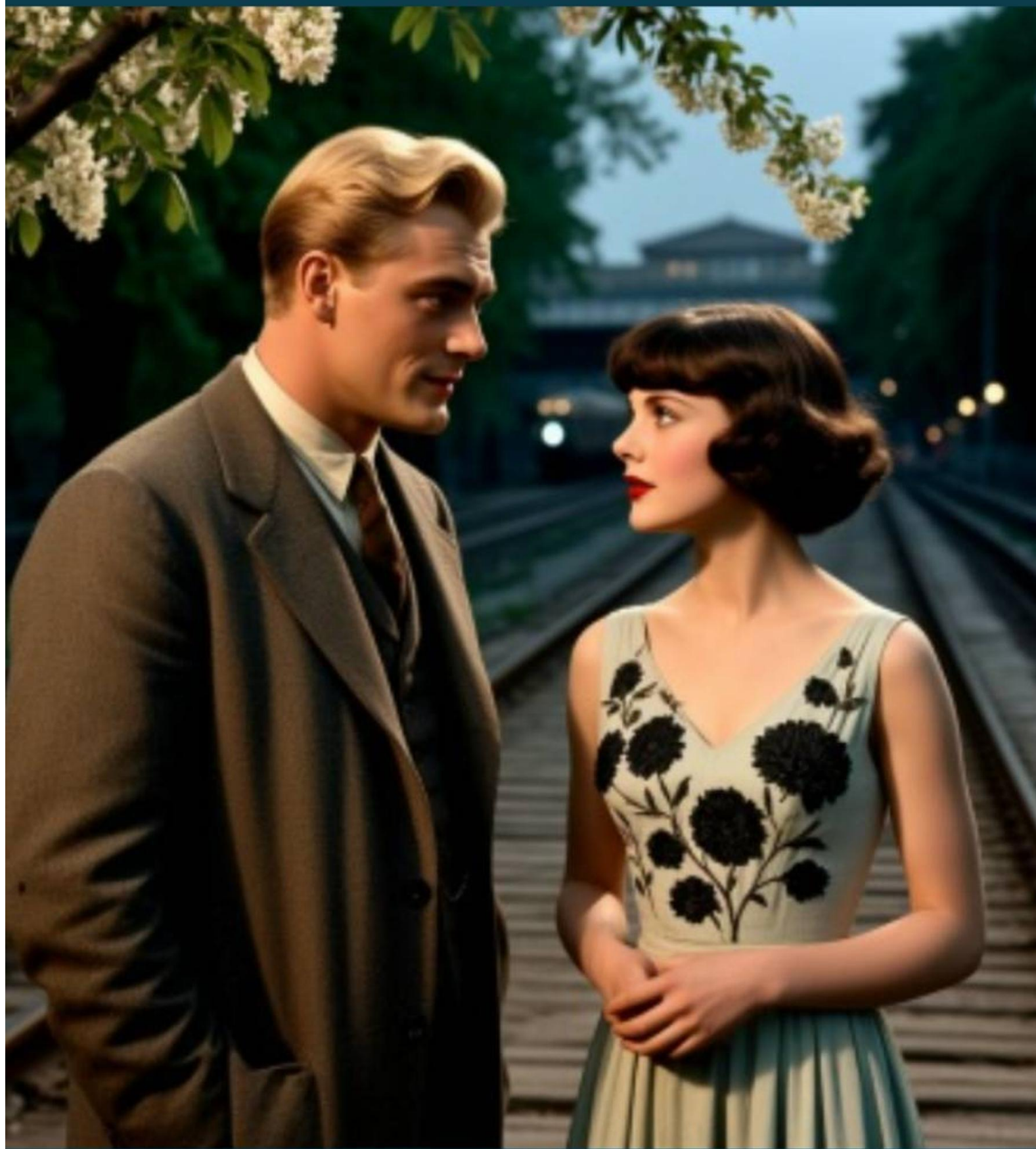

ЕЛЕНА МОСКВИЧЁВА

НОВОРОССИЙСКИЙ РОМАНС

Елена Москвичёва

Новороссийский романс

«Автор»

2026

Москвичёва Е.

Новороссийский романс / Е. Москвичёва — «Автор», 2026

Дочь железнодорожника и сын портового грузчика. Известный в городе футболист и талантливая певица. Своенравная красавица и сильный мужчина. Их роман изначально не обещал быть лёгким. Нюсе и Шуре, родившимся на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий, предстоит вместе со своим родным городом пройти через нелёгкие испытания. Роман охватывает исторический период от первых рабочих маёвок до начала шестидесятых годов прошлого века. Две революции, три войны, в которых на долю Новороссийска выпадают яркие и суровые драматические события. Новороссийская республика, Севастопольская побудка, затопление Черноморской эскадры, суровые испытания Великой Отечественной войны. История приморского города и история двух семей неразрывно переплетены. Семейное счастье не всегда бывает лёгким, и героям книги предстоит нелёгкий путь к счастью.

© Москвичёва Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Москвичёва Новороссийский романс

Неугомонный Пашка

Её предки по отцовской линии все были такие – смуглые, темноволосые, белозубые, с блестящими тёмно-карими глазами. Роста среднего, к полноте не склонные. Так что фамилия Смородины, доставшаяся потомкам этого рода в ходе исторического процесса, была им в самый раз. И ничего удивительного, что соседские мальчишки, а потом и парни, сначала в шутку, а потом с любовью и восхищением называли Нюсю Чёрной Смородиной. И та нисколько не обижалась. Что плохого в ароматной и полезной ягоде?

Как ни странно, но никакой примеси цыганской, еврейской, армянской или иной южной крови в их роду официально зарегистрировано не было. Да и в чертах лица ничего иноземного не наблюдалось. Носы не то чтобы курносые, но вполне обычные – и в глаза не бросаются, и особой аристократичностью не блещут. Носы как носы, вполне гармонично вписываются в крепкую округлость лица. Не слишком худощавого, но и совсем не пухлого. И тёмные глаза у Смородиных скорее круглые, чем миндалевидные. Этакие крупные бусины-ягоды. Если бы не чернявость эта, внешность вполне стандартная, среднерусская. Да и по происхождению соответствуют – из Воронежской губернии. Изначально крестьяне, разумеется. Но по семейным преданиям и чудом сохранившемуся маслом писаному семейному портрету, Нюсин прадед, дед отца её Павла, был из кантонистов и являлся унтер-офицером. Потому как на портрете том мужчина изображён в мундире – чёрном с красным. И две лычки на погонах.

А вот прабабушка, что на том же портрете сидит с младенцем на руках, совсем другая – не смородинской породы. Лицо овальное, волосы прямые и светло-русые, скромно убранные со лба в простую причёску. Черты тонкие, а цвет глаз не разобрать, так как взгляд опущен на ребёнка. Зато сам ребёнок, Нюсина бабушка, – типичная смородинка, круглолицая, темноглазая, темнобровая. Правда, ещё по-младенчески бело-розовая, а не смуглая. Портрет с годами потемнел и местами потрескался, но люди на нём остались молодыми, счастливыми и полными жизни.

Павел Смородин, перебравшись в Новороссийск и женившись, стал старшим мужчиной в семье. Был ещё Валериан, младший братишка, последыш. Появился он на свет, когда родителям Павла было уже за сорок. Поздние роды не пошли на пользу матери, да и отец не отличался крепким здоровьем. Малыш в пять лет остался сиротой, и старший брат, заручившись поддержкой супруги, взял младшего братца к себе. И получилось так, что Анна Павловна, старшая из его детей, всего-то на три года отстала по возрасту от своего дяди Вали.

Павел Смородин мечтал о революции. И хотя он был образцовым пролетарием того времени, мечтал он не с классовых марксистских позиций, а скорее с мещанских, обывательских. И даже жена его Матрёна, которая не могла похвастаться хорошим образованием и высокой политической грамотностью, легко ставила муженька на место.

– Вот видишь, Мотя, – с суровой и серьёзной миной кивал на окна ресторанов Павел, когда они изредка проходили по мощёным улицам Стандарта. – Сейчас буржуи в ресторанах пируют. А произойдёт революция, и мы там будем сидеть.

– Дурак ты, Пашка, – отвечала на это Матрёна. – А кто же работать будет?

И ставила таким логичным вопросом мужа в тупик. Самое правильное было бы заставить этих мироедов и кровососов, нажившихся на эксплуатации человека человеком, трудиться с утра до ночи на завоевавший свободу народ. Но много ли толку от банкира, купца или дворяночки? Ничего-то они не умеют – ни поезда водить, ни дома строить. А на заводе или в той же

мастерской какой от них прок? Как ни крути, а без рабочего человека никак. Павел вздыхал и начинал обдумывать новые аргументы, которые можно было бы приводить в качестве убеждения таких неподатливых людей, как его Мотя. Жаль, что у него совсем не было времени на то, чтобы повышать свой политический уровень. Рабочий день железнодорожников, как и их братьев по классу, длился не менее 12 часов. Так рабочим крупных промышленных предприятий ещё везло, там хоть какой-то порядок и ограничения имелись.

А вот Моте её подруги, работающие на хозяев швейной мастерской и в господских домах горничными и кухарками, говорили, что и до четырнадцати, а то и шестнадцати часов в сутки приходится трудиться, так что остаётся время только поспать. Очень ей в жизни повезло, что муж попался образованный и с хорошей профессией.

Железнодорожный транспорт в бескрайней России стремительно развивался, и толковый грамотный машинист паровоза ценился высоко. А у Павла Смородина и старание было, и умелые руки. Да и стремление что-то новое постигать и внедрять. Мотя порой думала, что родись её Пашка в зажиточной и благородной семье, быть ему инженером, не меньше. Но и так родители постарались. Сами себе во всём отказывали, но отдали старшего сына в старейшее железнодорожное ремесленное училище – Александровское, что в городе Ельце.

Сама Мотя выросла в семье городского плотника. Работающего отца клиенты уважали, заработанные деньги он нёс в дом, а не пропивал, так что семья была, можно сказать, среднего достатка. Да вот беда – как ни стремились отец с матерью завести наследника, рождались у них только девочки. А у женского пола одна стезя – удачное замужество, так что о хорошем образовании ни ей, ни её трём сёстрам мечтать не приходилось. Читать и считать в церковно-приходской школе научились – да и ладно. Но Матрёна Медяникова, в замужестве Смородина, выросла сметливой, хозяйственной и практичной. Да ещё и хорошенькой – с точёной стройной фигурой и приятными чертами лица. Павел жену любил и во всём на неё полагался. И не обижал даже тогда, когда бойкая на язычок Мотя позволяла себе неуважительные высказывания по отношению к супругу. Знал, что жена несмотря ни на что его любит, уважает и ни на кого не променяет. И даже проявляет политическую сознательность. Она с пониманием отнеслась к тому, что её муж одним из первых принялся ходить на рабочие маёвки. Ведь не из баловства он стал заниматься таким опасным делом.

Нелегко приходилось трудящимся на заре двадцатого века. Но российский пролетарий уже не был политически пассивен и забит. Рабочий человек начинал понимать, что только солидарностью и мужеством можно добиться уступок со стороны хозяев. А у господ и их жандармов, как и у революционеров, пытающихся просветить и пробудить пролетариат, не было сомнений, что железнодорожники составляют весьма мощный революционный отряд. Они были грамотны, умелы, мобильны и открыты новым веяниям. Павел Смородин числил себя эсером, так как представители именно этой партии были наиболее решительными и не боялись заявлять о себе громкими терактами.

Рабочие, однако, и без бомб могли нанести чувствительный удар по своим угнетателям. В их арсенале были забастовки. И представители революционных партий учили пролетариат грамотно и эффективно использовать это оружие.

Кубанское областное жандармское управление в Черноморской губернии не дремало. Уже третьего октября 1903 года его начальнику было представлено дознание, подписанное подполковником Бураго. Называлось оно «О возникновении и работе социал-демократических организаций среди железнодорожных рабочих Новороссийска».

В нём помощник начальника подробно докладывал о привлечении к дознанию обвиняемых по 318-й статье Уложения о наказаниях. В качестве таковых выступали мастера – слесари, токари, кузнецы, столяры. Самые активные из них уже несколько месяцев томились под стражей (в порядке Положения о государственной охране), но часть привлечённых к дознанию людей находилась на свободе. По происхождению среди них были крестьяне из Курской, Воро-

нежской, Киевской, Харьковской, Тамбовской, Кутаисской губерний, а также мещане Екатеринодара и Новороссийска. Национальный состав привлекаемых к дознанию был столь же пёстрым, как и у прочего населения города. Но объединяло их стойкое нежелание давать на допросах откровенные показания.

Подполковник Бураго с огорчением отмечал в своём дознании, что, несмотря на аресты забастовщиков и содержание в тюрьме вышеназванных лиц, преступная пропаганда в Новороссийске среди рабочих продолжалась и после окончания стачек. Она, в частности, выражалась в распространении печатных прокламаций «Донского комитета Российской социал-демократической Рабочей партии». В железнодорожных мастерских Новороссийска и в местах проживания железнодорожников было найдено 250 экземпляров прокламаций с заглавными словами «Кто придушил нас».

В письменном сообщении Бураго неоднократно упоминался и Павел Смородин, однако молодой железнодорожник не был взят под стражу, так как ни один из допрашиваемых не дал против него обличающих показаний. А ходить в майские дни в горы или в лес никому не запрещено. Попили, поели, поговорили и разошлись. А то, что красный флаг на дереве висел и политические речи произносились – так это кому-то привиделось и послышалось.

Примерно так и сам Павел отвечал жандармам, когда они приставали к нему с расспросами.

– Кто был с вами на маёвке в лесу? – интересовался следователь в участке.

– Да кто ж их упомнит? – с серьёзной миной отвечал Смородин. – Я ведь и того, что ели и пили, сейчас припомнить не могу.

– А что, так много пили? – презрительно кривил губы жандарм. И буравил строгими глазами честную физиономию машиниста. Уж на пропойцу аккуратно одетый и ладно скроенный парень никак не был похож.

– Да как же не выпить рабочему человеку? – горестно сокрушался Павел. – А тут лес, раздолье. Жена в ухо не зудит.

– Кто речи говорил под красным флагом? – следователь не собирался подыгрывать этим смутьянам.

– Под каким красным флагом? – очень натурально изумлялся Смородин.

– Который на дереве висел, – издевательским тоном пояснял дознаватель. – Тем самым деревом, под которым вы лично, Павел Смородин, стояли и оратора слушали. А потом песни революционные горланили.

– Песни пели, – соглашался Павел. И, понизив голос, сообщал: – Про ямщика пели и про кочегара тоже.

– А кто вам прокламации передал? – сменил тему следователь.

– Никто никаких бумаг мне не передавал, – круглые тёмные глаза машиниста выражали абсолютную честность. – А вот газеты я регулярно читаю. Непокойно в стране, а полиция не туда смотрит.

– Так потому и непокойно, – с укоряющим вздохом заключил полицейский, – что такие, как вы, не туда смотрят, не тех людей слушают и запрещённой деятельностью занимаются.

Мотя места себе не находила, когда Павла начали таскать в участок. Очень боялась она остаться без мужа с пятилетним племянником и двухлетней дочкой на руках. Но на этот раз Пашка легко отделался. Хотя полицейский и пригрозил, что не работать ему машинистом. Неблагонадёжен.

1905 год

«Не откажи в помощи Твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнёт

чиновников. *Разрушь стену между Тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с Тобой».*

(Из Петиции царю Николаю II, автор Г.А.Гапон)

«Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс».

(В.И.Ленин "План петербургского сражения", 9-й том, 5-е издание ПСС, 1905 год)

Началось всё, как водится, в столице. Забастовал Путиловский завод. Но этому предшествовали такие значимые события декабря 1904 года, как сдача Порт-Артура и бакинская стачка рабочих.

Потеря героической русской крепости и последующая капитуляция России в русско-японской войне вызвали глубокое разочарование во всех слоях общества. В прессе, до того захлёбывавшейся в патриотическом угаре и распространявшей уничижительные карикатуры на врага, всё чаще стали цитировать генерала от инфантерии Дмитрия Драгомирова: «Японцы – макаки, да мы-то кое-каки».

А бакинские рабочие, воспользовавшись растерянностью власти и проявив массовую солидарность, добились от нефтепромышленников значительных уступок. Согласно коллективному договору был установлен 9-часовой рабочий день с 8-часовыми ночными сменами. В принятом договоре также предусматривалось увеличение зарплаты и ежемесячный четырёхдневный отпуск.

Но хозяева столичных предприятий не хотели договариваться со своими наёмными работниками. На Путиловском заводе в ходе стачки было уволено несколько рабочих, и это послужило толчком к обострению противостояния труда и капитала. Начались массовые забастовки на предприятиях.

К этому времени в Санкт-Петербурге набрала значительную силу легальная организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» под управлением священника Георгия Аполлоновича Гапона. Полиция ничуть не препятствовала деятельности этого российского аналога общегородского профсоюза, надеясь уменьшить влияние на рабочих со стороны революционных партий. Популярность Гапона и его организаторские способности были столь велики, что он без труда сумел призвать тысячи людей принять участие в мирной демонстрации. Ведь царь не знает о бедах народа, и нужно донести до самодержца петицию.

Народное шествие 9 января обернулось трагедией. Безоружных людей разгоняли казаки и расстреливали войска. Царь покинул столицу, не пожелав принять петицию граждан. Сотни раненых и не менее полутора сотен погибших – таков был печальный итог Кровавого воскресенья.

Гапон, шокированный произошедшим и едва избежавший смерти и ареста, обратился к народу с воззванием:

«Родные товарищи-рабочие! Итак, у нас больше нет царя! Неповинная кровь легла между ним и народом. Да здравствует же начало народной борьбы за свободу!...»

Так началась Первая Русская революция, которая затронула и портовый Новороссийск, центр Черноморской губернии. Промышленный город, важный транспортный узел страны, где железная дорога выходила прямоком на морские причалы, не мог остаться в стороне от поднимавшейся волны народного возмущения. И если в предшествующие годы рабочие пробирались на маёвки в горы тайными тропами, то теперь было решено отметить 1 мая демонстрацией в центре города. Памятуя о печальном опыте Кровавого воскресенья, руководители мероприятия посчитали нужным вооружить рабочих. Оружие брали под расписку не только у сочувствующих горожан, но и у жителей пригородов.

Основными организаторами протестных демонстраций выступали социал-демократы и эсеры. Агитаторы не забыли напомнить рабочим, что майский праздник солидарности зародился в Чикаго, где американские трудящиеся потребовали сократить свой рабочий день до 8 часов.

– А у нас-то рабочий день 18 часов, – делился с Павлом Смородиным пожилой работник, когда они ожидали начала шествия на Старом базаре. – Наши ребята с лимонадных заводов отправили полицмейстеру прошение о сокращении рабочего дня. А ответа как не было, так и нет. Зато мясникам пошли навстречу.

– Неужто дали 8-часовой? – недоверчиво поинтересовался Павел.

– Да какое там, – махнул рукой лимонадчик. – Просто утвердили более щадящий график на праздники. Но надо всем дружно выходить, пусть чувствуют, что мы сила. Тогда и подвижки в законах будут.

– Непременно будут, – соглашался Павел. – После января страна уже не та, вера в доброго царя пошатнулась.

– А как же без царя? – озабоченно поинтересовался всё тот же лимонадчик. – Это ведь как говорят про глупых и непутёвых – без царя в голове. Нет порядка – и ума нет.

– А кто же гарантирует, что царь умный? – возразил Павел. – Разве стал бы умный человек свой народ истреблять?

– Так не царь же давал приказы, – поспешил ответить рабочий. – Нашлись ироды – генералы да губернаторы. Царя и в столице-то, говорят, не было.

– А зачем же нужен царь, если он ничего не может поделать и всегда не при чём? – довольно сердито отреагировал Смородин. – Пусть уходит с поста подобру-поздорову, а власть передаёт народу.

– Нельзя так, – убеждённо заявил лимонадчик. – Ведь царь – помазанник божий. Зачем же Господа гневить?

Основными силами, вышедшими на демонстрацию, были работники порта и цементных заводов. Городские власти, со своей стороны, тоже провели совещание накануне Первого мая. Зная, что рабочие вооружены, осторожный и.о. губернатора Березников утвердил решение не ввязываться в конфликты и не поддаваться на провокации демонстрантов. И первыми силу не применять. Однако на всякий случай в город была вызвана рота казаков.

В 11 утра, проигнорировав попытки полиции удержать митингующих на Старой Базарной площади, демонстранты двинулись по главной улице Серебряковской. Казаки, увидев вооружённых людей с революционными плакатами, почли за лучшее свернуть в прилегающий переулок. У встречающихся на пути правительственных учреждений демонстранты устраивали митинги. А когда организованная толпа подошла к стенам городской тюрьмы, полиции пришлось выпустить на волю томившегося там социал-демократа. С ведома перепуганного Березникова, разумеется.

Первомайский успех вдохновил участников демонстрации, и они решили не останавливаться. Демонстрация продолжилась и второго мая. И хотя жандармский ротмистр Мальдонато уговаривал рабочих прекратить противоправные действия, всё было тщетно. На этот раз люди прошли мимо вокзала в сторону городской набережной. Вначале полиция насчитала четыреста человек, но по пути к демонстрантам присоединились тысячи людей.

3 мая городская власть решила перехватить инициативу и организовала собственное шествие в поддержку самодержавия. С духовым оркестром, молебном и казаками. В трёхтысячном шествии участвовали и рабочие. Те, кто решил проявить солидарность не с расстрелянными в Санкт-Петербурге братьями по классу, а с помещиками и буржуазией, защищавшими отживающий и препятствующий прогрессу царизм. Свободе и народному счастью они предпочитали стабильность, порядок и возможность получать крошки с барского стола. Павел Смородин, как и его друзья из железнодорожных мастерских, таких работников не одобрял.

«А ведь тот дядька с лимонадного завода небось и за царя-батюшку пошёл, – размышлял машинист. – И сколько ещё таких, которых ни пули, ни нагайки никак вразумить не могут? Не наш это царь, дворянский он да буржуйский».

Если в майские праздники основными застрельщиками протеста явились ведомые революционерами портовики и цементники, то июль призвал железнодорожников. По стране прокатились их стачки, и Владикавказская железная дорога, к которой относился и Новороссийск, не стала исключением. Нужно было парализовать движение поездов, чтобы вынудить хозяев принять требования рабочих. Среди этих требований были и экономические – тот самый вожделенный 8-часовой рабочий день, и политические – созыв Учредительного собрания. Последнее требование означало переход к реальной демократии и выборности органов власти.

Поначалу забастовка протекала мирно. Но 19 июля администрации дорог удалось отправить один из поездов в сопровождении военных. Павел Смородин, наряду с остальными принимавший участие в стачке, был оповещён об этом забежавшим к нему товарищем – слесарем Игнатом из мастерских. Оба молодых железнодорожника опрометью бросились к путям. Подбежавшая к калитке побледневшая Мотя встревоженно смотрела им вслед.

– Наши уже там, – задыхаясь от волнения и быстрого бега, сообщил Игнат. – Собираются на горке, чтобы не пропустить почтовый.

– А кто машинист? – поинтересовался Смородин.

– Чужой, – кратко ответил слесарь. – Наши бы никто не пошёл.

Небольшой взгорок, по которому шли рельсы, находился совсем недалеко от вокзала и использовался для быстрого формирования составов. Там уже находилось значительное количество людей. И Павел быстро определил, что здесь не только работники Владикавказской железной дороги. Поддержать забастовщиков пришли цементники и портовики.

– Занимай рельсы! – послышался призыв.

И рабочие дружно придвинулись к путям. Со стороны вокзала медленно двигался почтовый поезд.

– Не поедет он по людям! – крикнул кто-то из толпы. – Не возьмёт грех на душу.

Павел обратил внимание, что среди рабочих есть женщины и даже дети. Видно, не захотели отпускать отцов и мужей, предчувствуя опасность. Понадеялись, что их присутствие остановит расправу. Со стороны города расположилась казачья сотня под командованием жандармского ротмистра Мальдонато.

– А вот и Евграф Фёдорович с казачками пожаловал, – процедил сквозь зубы слесарь железнодорожных мастерских Зелена.

Павел хорошо знал, что Зелена, хотя и из рабочих, но самый настоящий революционер. Умел он убеждать товарищей и зажигать их на бескомпромиссную борьбу. Машинист почтового поезда, как и ожидалось, по людям ехать не стал, остановил паровоз у стрелки.

– Требую немедленно разойтись и не препятствовать продвижению поезда, – громко обратился к забастовщикам Мальдонато.

– Ага, ждите, не для того приходили, чтобы расходиться, – послышалось в толпе.

Выждав несколько минут, жандармский ротмистр дал приказ казакам разогнать народ. Сотня ринулась на горку с гиком налётом. То есть, поскакала галопом с устрашающими вскриками, оказывая не только физическое, но и психологическое давление на собравшихся. Те, кто сидел и лежал на путях, мгновенно вскочили, люди дружно хлынули врассыпную. Казалось бы, цель достигнута, и путь свободен. Но не тут-то было. Не успела казачья сотня спуститься с горки, как народ вновь потянулся к путям. На этот раз мужчины решили принять удар на себя, оставив женщин и детей в сторонке. Там уже слышались тихие причитания и испуганный плач.

– Неужто стрелять начнут? – встревоженно спросил Игнат Павла, не отрывая взгляда от казаков.

Кроме шашек, сейчас вложенных в ножны, у каждого из подручных Мальдонато имелось ружьё.

– Чую, будет у нас своё Кровавое воскресенье, – произнёс стоявший рядом крупный рабочий, похожий на портового грузчика. – Казакам кровь пролить что воды попить.

– Не решатся, – отозвался пожилой кузнец с Мефодиевки. – Народу-то, поди, тыщи две пришло.

– Не меньше тысячи, это точно, – воспрянув духом, подтвердил Игнат.

– Да только у них ружья и шашки, а мы с голыми руками, – огорчённо произнес Павел Смородин. – Оружие-то после демонстрации вернули владельцам, а зря. Очень бы оно сейчас нам пригодилось.

– Если не разойдётесь мирно, дам приказ стрелять, – в громком командном голосе ротмистра звучала неприкрытая угроза.

– Не посмеет, пугает понапрасну, – зашептались те, кто стоял на рельсах.

– Последнее предупреждение, – обратился к примолкшей толпе Мальдонато. – Больше повторять не буду. Если не разойдётесь, стреляем один раз в воздух, а потом по нарушителям, заблокировавшим железнодорожные пути. Вы препятствуете нормальной работе станции. И не жалуйтесь потом, что вас не предупреждали. На поводу у вас идти никто не станет.

Впоследствии жандармский ротмистр Евграф Фёдорович Мальдонато утверждал, что его сотня подверглась обстрелу со стороны спрятавшихся в укрытии революционеров. Мол, именно эти скрытые провокаторы застрелили одного из казаков и вынудили сотню открыть ответный огонь.

Но Павел Смородин мог бы поклясться, что никаких одиночных револьверных выстрелов он и слыхом не слыхал. Зато вместе с остальными прекрасно расслышал дружный предупредительный залп из казачьих ружей. Народ на путях застыл, всё ещё не веря в предстоящее смертоубийство. Но ротмистр Мальдонато был полон решимости идти до конца. Да и казакам эта канитель уже изрядно надоела. Они прекрасно понимали, что уговорами бунтовщиков не взять, требуются жёсткие и крутые меры. Кое-кто из них предпочёл бы использовать для разгона хлёсткие, но не смертельные нагайки. Но людей на горке было слишком много.

И по команде Мальдонато казачья сотня произвела залп по собравшимся на рельсах рабочим. Павел с ужасом и всё ещё не веря своим глазам увидел, как вокруг с криками начали падать люди.

– Паша, в меня, кажется попали, – удивлённо произнёс побледневший Игнат, глядя на расплывающееся алое пятно на рукаве белой рубахи.

Кругом началась та отчаянная суматоха, которая случается при стрельбе по безоружным. Вошедшие в раж казаки начали разгонять народ, используя шашки как дубинки. Досталось и санитарам из железнодорожной больницы, которые, услышав выстрелы, самоотверженно бросились на помощь раненым.

Павел Смородин, наскоро перевязав рану товарища нашедшимся в кармане чистым платком, потащил быстро слабеющего Игната в сторону дома. Вытесненный казаками народ по одиночке и группами рассеялся по прилегающей к вокзалу территории, стремясь скрыться в прилегающих кварталах Мефодиевки.

Мотя, слыша стрельбу, места себе не находила. Она всей душой рвалась туда, где находился её муж, но как же быть с семилетним Валею и Нюсей, которой ещё не исполнилось и четырёх? Она всё-таки выбежала на улицу и замерла, видя бегущих в панике людей.

– Мотя, беги в дом! – крикнула соседка Клавдия. Расхристанная, рот перекошен, тёмные глаза выпучены, как у сумасшедшей. – Я с горки, там наших мужиков постреляли казаки.

– А Паша, Паша мой где? – крикнула Матрёна.

Да только вместо крика вышел у неё какой-то придушенный хрип. Бегущих с железной дороги людей становилось всё больше. Мотя, забыв про детей, кинулась было в сторону путей. Но вдруг увидела Павла, живого и невредимого.

– Не стой на улице! – сердито бросил он ей.

– А ты, ты куда? – взволнованная жена не могла понять, почему муж не сворачивает к их калитке, а продолжает двигаться мимо дома.

– Игната домой отведу и вернусь, – уже мягче ответил Павел.

И только тут Мотя поняла, что слесарь, с которым муж уходил на горку, ранен. Он тяжело опирался на спутника. Было видно, что ещё немного, и парень потеряет сознание.

– Я помогу, – решительно заявила Мотя, подставляя плечо Игнату с другой стороны. Слесарь застонал сквозь стиснутые зубы.

Проведённое расследование показало, что 19 июля на железнодорожных путях Новороссийска было убито 16 человек и ранено 36, из них 15 тяжело. Однако число раненых наверняка было больше, кто-то, как тот же Игнат, не заявил о себе, опасаясь преследования. Большинство погибших оказалось работниками железнодорожных мастерских, и их похороны в братской могиле на Мефодиевском кладбище вылились в гневный траурный митинг рабочих города. А уже на следующий день после кровавых событий состоялось заседание городской Думы, где было принято решение:

1. Протестовать против жестокого и легкомысленного применения вооруженной силы, о чем сообщить наместнику Кавказа и г. Министру Внутренних дел, присовокупив и все сведения, которые будут добыты по этому печальному сведению городским управлением.

2. Ходатайствовать об участии в производстве дознания и следствия пяти представителей Новороссийской городской Думы.

3. Поручить городской управе оказать семьям пострадавших немедленную помощь в пределах возможного по средствам города.

4. Выразить презрение казакам за их дикую жестокость.

5. Ходатайствовать перед губернатором об удалении казаков из Новороссийска.

6. Ходатайствовать по телеграфу перед Советом Министров о скорейшем созыве народных представителей, изложив соображения в связи с прискорбным фактом, о котором здесь идет речь.

7. Просить г. губернатора не пренебрегать в подобных случаях участием представителей городского самоуправления.

И здесь стоит заметить, что не только городская Дума Новороссийска, где было немало образованных интеллигентных людей, но и сам городской голова, а по совместительству успешный купец-хлеботорговец Алексей Никулин были достаточно лояльно настроены по отношению к революционерам и бастующим рабочим. Возможно, не последнюю роль здесь сыграла история одной любви. Младшая дочь Никулина Лидия на рубеже веков познакомилась с выпускником Новороссийской гимназии Борисом Прохоровым, который являлся сыном переехавшего в город народника. Юноша поступил в Санкт-Петербургский университет, но за участие в студенческих волнениях был отчислен. Вернувшись в Новороссийск, Борис женился на Лидии и стал работать приказчиком у её отца. Вскоре у Никулина работало уже три приказчика. И все трое были революционерами. Самым старшим из них оказался Иван Гольман, большевик, будущий руководитель Новороссийской республики.

События первого года Первой русской революции развивались стремительно. К октябрю бастовала практически вся страна, по самым скромным подсчётам в стачечном движении участвовало не менее двух миллионов человек. И подписанный царём Николаем Вторым с подачи председателя Комитета министров графа Сергея Юльевича Витте Манифест 17 октября

не стал умиротворяющим документом. Напротив, создавалось впечатление, что задокументированный поворот царизма к демократическому правлению только подлил масла в огонь. Да, утверждалась Государственная Дума, но царь оставлял за собой право наложить вето на любое её решение и распустить этот орган народного самоуправления.

И если в Новороссийске горячие митинги с критикой царского документа и лозунгами «Долой самодержавие!» прошли хотя и массово, но без полицейских расправ, в Севастополе вновь пролилась кровь. 20 октября на похоронах погибших выступил лейтенант Шмидт, произнеся свою клятву: «Клянёмся в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав».

В ноябре произошло Севастопольское восстание, закончившееся поражением. Мятёжный крейсер «Очаков» был обстрелян преданным правительству флотом, а руководители восстания схвачены.

Ноябрьские события в Севастополе подхлестнули бастующий Новороссийск. Рабочие города начали активно вооружаться. Городской голова Никулин пытался создать легальные отряды вооружённой городской охраны. Однако вышестоящее начальство опасалось давать разрешение и всячески затягивало процесс. Цементники не стали церемониться и вооружились самостоятельно.

22 ноября по Новороссийску прокатилась мощнейшая демонстрация под лозунгами «Смерть тиранам!» и «Да здравствует свобода!»

– Гляди, гляди, Игнат, городских ведут! – воскликнул Павел Смородин, оглянувшись назад.

– Да нет, – возразил слесарь. – Они сами идут, добровольно. Шашки-то у них отобрали.

– Ещё бы им не разоружиться, – усмехнулся шагающий рядом пожилой армянин. – Парни повели их из участка на старые цемзаводы и заставили сдать оружие. Рабочих пара сотен была, да ещё и вооружённые. Где уж тут сопротивляться? Вон их шашки несут как трофеи позади оркестра.

Духовой оркестр слаженно заиграл Марсельезу и демонстранты дружно подхватили песню:

*Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдём к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдём,
С ним пойдём мы злодеям проклятья —
На борьбу мы его поведём.*

Припев:

*Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд, вперёд !*

*Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжёлый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,*

Чтоб глумились они над тобой.

*Тебе отдых – одна лишь могила.
Весь свой век недоимку готовь.
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьёт народную кровь.
Ему нужны для войска солдаты —
Подавай ты ему сыновей.
Ему нужны пиры и палаты —
Подавай ему крови своей.*

*Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз —
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и Дальний Кавказ.
На врагов, на собак – на богатых,
И на злого вампира – царя.
Бей, губи их, злодеев проклятых,
Засветись, лучшей жизни заря.*

*И взойдёт за кровавой зарёю
Солнце правды и братской любви,
Хоть купили мы страшной ценою —
Кровью нашею – счастье земли.
И настанет година свободы:
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда.*

– Товарищи! – зазвучал над площадью голос оратора. Десятитысячная толпа смолкла. – Мы призываем вас к вооружённой борьбе с правительством! Царское самодержавие отжило свой век и обессилило. И сегодня мы наблюдаем его жестокие конвульсии. Ведь находясь даже при последнем издыхании, оно всеми силами пытается удержать в руках свой кусок сладкого пирога, чтобы не делиться им с народом. Но царское правительство сегодня находится в весьма шатком положении. Достаточно лишь сплотиться и дружно осуществить решающий натиск. Раздавим же издыхающее самодержавие, врага рабочих и прогресса!

Оркестр заиграл похоронный марш. Проходя мимо здания таможни, демонстранты потребовали приспустить в знак траура государственный флаг. У городской управы сделали остановку, и ораторы с балкона здания вновь произносили энергичные речи. Далее процессия проследовала на Соборную площадь. Была сделана попытка переагитировать на сторону демонстрантов солдат местного гарнизона, но ни речи агитаторов, ни раздача листовок на это раз успеха не имели. Однако гарнизон даже не пытался противодействовать многотысячной людской массе, заполонившей центр Новороссийска. Здесь же, у Собора, была отслужена панихида по восставшим морякам Севастополя.

К середине декабря власть в Новороссийске полностью перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Преобразования осуществлялись с небывалой скоростью и абсолютно мирно. 14 декабря были закрыты все правительственные учреждения, кроме банков.

Частично прекращена забастовка, а на заработавших предприятиях созданы рабочие комитеты и установлен 8-часовой рабочий день. Созданный новой властью народный суд освободил всех политических заключённых. Начинает издаваться газета «Известия Совета рабочих депутатов». Казаки и солдаты местного гарнизона без единого выстрела переходят на сторону Новороссийской республики.

Декабрьское восстание в Москве потерпело поражение, и царское правительство отправляет на усмирение восставших окраин карательные экспедиции.

У железнодорожников, преданных делу Новороссийской республики, был план разогнать поезд, везущий войска, и отправить его с горы напрямик в Цемесскую бухту. Однако этому дерзкому плану не суждено было осуществиться. Генерал-майор Пржевальский высадил своих казаков заранее, на станции Тоннельной и уже оттуда направил войска в непокорный город. Одновременно в бухту зашёл броненосец «Три святителя», тот самый, что участвовал в расправах над бунтовщиками Севастополя.

Новороссийский совет, видя, что силы неравны, принимает решение самораспуститься. В городе начинаются репрессии, и Павел Смородин уезжает с семьёй в Баку.

Баку

Баку начала двадцатого века многими чертами напоминал Новороссийск. Там тоже было море. И железная дорога. И довольно много новых домов, своей архитектурой напоминавших новороссийские. Иногда Моте и Павлу казалось, что они никуда и не переезжали. Даже вокзал был такой же. По-видимому, имелись указания сверху, из Министерства путей сообщения, о соблюдении единообразия при строительстве железнодорожных сооружений.

Но были и отличия. Побережье Каспийского моря густо покрывали стройные башенки. Здесь добывали нефть. Компания «Бранобель», названная так в честь трёх братьев Нобелей – Роберта, Людвиг и Альфреда, сделала ставку на каспийскую нефть и не прогадала. К началу двадцатого века, проработав чуть больше двадцати лет, компания пробурила более 500 скважин, добыла 150 миллионов баррелей нефти и наняла 12 000 рабочих. Именно здесь, на Бакинских нефтеразработках, замечательный русский инженер Владимир Григорьевич Шухов впервые применил трубопровод для транспортировки жидкого чёрного золота. Но и железнодорожники не остались без дела. Деятельность «Бранобеля» дала толчок интенсивному развитию железнодорожного транспорта в этом регионе.

Поэтому машинист паровоза Павел Смородин быстро нашёл себе применение в чужом городе. Да и не был Баку полностью чужим, потому что, как и в Новороссийске, трудилась здесь и крепко дружила спаянная команда железнодорожных рабочих. Многие из друзей Павла были неоднократно проверены в общей борьбе. Поэтому в небольшой съёмной квартире, где обосновались Смородины, порой собирались довольно большие компании. Пили мало, за этим бдительно следила Мотя, зато много пели. И песни эти были из тех, которые очень не нравились жандармерии – политической полиции Российской Империи. Особенно любили бодрую маршевую, выученную на маёвках и демонстрациях:

Смело, товарищи, в ногу!

Духом окрепнем в борьбе,

В царство свободы дорогу

Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,

Дети семьи трудовой.

Братский союз и свобода —

Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,

Долго нас голод томил,

Черные дни миновали,

Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,

В бой поспешим поскорей.

Нашей ли рати бояться

Призрачной силы царей?

Все, чем их держатся троны,

Дело рабочей руки...

Сами набьем мы патроны,

К ружьям привинтим иттыки.

С верой святой в наше дело,

Дружно сомкнувши ряды,

В битву мы выступим смело

С игом проклятой нужды.

Несмотря на разительное сходство с приморским Новороссийском, Баку оставался одним из тех мест, что всем своим обликом и образом жизни населения начисто опровергают утверждение Редьярда Киплинга о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут. Древний город на берегу Каспия демонстрировал обе ипостаси. Здесь сохранились постройки времён Ширваншахов и высились мусульманские мечети.

И однажды маленькой Нюсе довелось испытать настоящее потрясение. Родители никак не ожидали, какое влияние на неокрепшую психику ребёнка может оказать лицемерие традиционного шиитского действия под названием Ашура, но более известного как «шахсей-вахсей». Будучи совсем малюткой, она на всю жизнь запомнила кровавый ужас того, что увидела на улицах Баку. Полуобнажённые мужчины истязали себя цепями и металлическими плётками. Плечи и спины шагающих по городу и приводящих себя в экстаз верующих быстро покрывались ранами, из которых в разные стороны брызгала алая кровь. Слишком поздно одумалась тогда ещё молодая, неопытная и сама сильно перепуганная Мотя, чтобы схватить испытывавшего шок ребёнка в охапку и убежать подальше от беснующейся толпы. Правовверные шииты жаждали как можно больше крови фанатиков. Ведь она должна быть пролита в знак солидарности с погибшим вместе со своими родными и сподвижниками более чем 1200 лет тому назад имамом Хусейном, внуком пророка Мухаммеда.

Однажды и сама Нюся чуть не принесла в семью революционера Павла большую беду. Подружившись с ребятишками во дворе, маленькая певунья решила продемонстрировать свой богатый исполнительский репертуар. Начала с любимой «Варшавянки»:

Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы нас злобно гнетут,

В бой роковой мы вступили с врагами,

Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы поднимем гордо и смело

Знамя борьбы за рабочее дело,

Знамя великой борьбы всех народов

За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,

Святой и правый,

Мари, мари вперед,

Рабочий народ!

А так как девочка была голосистая, выпевала мелодию точно, а слова разборчиво, у прогуливающегося поблизости полицейского сомнений не осталось. Ребёнок занимался револю-

ционной пропагандой на вверенном ему участке. Недолго думая, городской взял нарушительницу спокойствия за ухо и, несмотря на слабые протесты напуганной и обиженной малолетней революционерки, направился напрямиком к квартире, которую снимала её семья. Двор испуганно наблюдал за происходящим.

На решительный и громкий стук блюстителя закона и порядка дверь открыла встревоженная Мотя.

– Если вы тут ерундой занимаетесь, – со всей возможной строгостью обратился к собравшимся за столом железнодорожникам городской, – вот этого чертёнка за дверь выставляйте.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты, не став учинять допроса и обойдась без дальнейших нравоучений. А чертёнок, радуясь тому, что его ухо наконец-то освободили, испуганно уткнулся носом в мамину юбку. Павел и его друзья были весьма обеспокоены случившимся.

Однако, судя по всему, полицейский оказался человеком добрым и понимающим, не каким-то выслуживающимся шпииком или злобным держимордой. И в этом не было ничего удивительного. Городовые не относились к чиновничьей прослойке государства, а были вольнонаёмными. Из отслуживших в армии солдат, а, значит, из крестьян, рабочих и разночинцев.

Да и Баку к тому времени зарекомендовал себя городом стачек и революционных кружков. А в декабре 1904-го, ещё до переломного Кровавого воскресенья, именно бакинские рабочие в ходе кровавых решительных схваток добились существенных уступок от владельцев предприятий – сокращения рабочего дня до 9 часов и повышения заработной платы. Стоило ли бакинским городовым, на которых государство экономило и вынуждало с трудом сводить концы с концами, зверствовать и проявлять излишнюю бдительность?

С Нюсей, тем не менее, была проведена воспитательная беседа. Павел, изредка встречая городского, не забывал вежливо и уважительно поздороваться. И тот неизменно сдержанно отвечал на приветствие, пряча в усах добродушную усмешку.

Время шло, товарищи железнодорожники привозили вести, которые с одной стороны были угнетающе печальными, а с другой заставляли Смородиных думать о возвращении в родной Новороссийск. Волна репрессий, вызванных поражением Новороссийской республики, не сразу, но улеглась. Царским сатрапам для показательной суровой расправы хватило 20 жертв. Семеро руководителей, изначально приговорённые к смертной казни, были осуждены на пожизненную ссылку. Ещё 13 человек получили различные сроки лишения свободы. Тюрьмы, где отбывали предварительное заключение наиболее активные участники и вожаки Новороссийской республики, неумолимо отнимали здоровье и жизни. Палачи умело сочетали неласковые условия физического существования заключённых и бесконечно затянутое нервное напряжение. Царское самодержавие умышленно тянуло время, многократно переигрывало приговоры, словно так и не могло определиться, казнить или помиловать.

Осень 1906 года выдалась обычной – в меру тёплой, в меру дождливой. И ничто не предвещало, что в январе разразится жестокий норд-ост. Эти северо-восточные ветра, известные ещё и как новороссийская бора, дуют здесь с завидным постоянством. Но порой, раз в несколько лет, сила ветра достигает 11-12 баллов. Шторм превращается в бушующий и чреватый тяжёлыми последствиями ураган. Ничего удивительного, что пришедшие в бухту суда буйная стихия зачастую выбрасывает на берег, а заботливо построенные купальни разбивает в щепки. В холодное время года норд-ост приносит в относительно тёплый южный город ещё и леденящий мороз.

Смородины вернулись в Новороссийск как раз накануне той редкой зимы, когда портовая часть Цемесской бухты покрылась льдом. Народ сначала остерегался переходить по замёрзшему морю с восточной стороны бухты на западную и обратно. Однако вскоре кое-кто расхрабрился настолько, что рисковал прокатиться по морскому льду на гружёной телеге. Ведь так

было намного короче. И Нюся с мамой Мотей тоже от других не отстали и как-то прошлись по неровному и непрозрачному морскому льду. И нисколько, ничуть они не боялись, хотя и прекрасно знали, что глубина подо льдом немаленькая – ведь здесь в иную пору спокойно проходят между двумя молами и становятся под разгрузку и погрузку большие корабли. По пути Матрёна рассказала дочери, что в других местах большой страны зимой реки всегда замерзают, а рыбакам приходится делать лунки во льду, чтобы добраться до рыбы. А Нюся никак не понимала, почему неглубокие реки не промерзают до самого дна. Тогда она ещё не знала, что лёд легче жидкой воды, которая достигает максимальной плотности при плюс четырёх градусах Цельсия. И чтобы узнать об этом и о многих других важных вещах, надо было непременно поступить в школу.

Взросление

В стране наступило время реакции. Волна революционного подъёма спала, но опыт первой русской революции не пропал даром. Угли угасшего костра продолжали тлеть. Рабочие, раз почувствовав свою силу и значимость, не были прежними. Они стали намного острее ощущать несправедливость существующего строя. И царский режим, действуя привычным методом кнута и пряника, с одной стороны, жёстко подавлял всплески политической активности, с другой – делал вид, что играет в демократию. Новороссийские железнодорожники, как и их ближайшие соратники портовики и цементники, притихли.

Жизнь катилась своим чередом. В конце первого десятилетия нового века у Анны появился младший брат – Ваня. Но самым главным событием в жизни подрастающей дочери железнодорожника стала школа. Ей и её школьным подругам-ровесницам крупно повезло. С самого начала обучения в их 4-м Новороссийском начальном училище они попали в заботливые руки трёх хорошо образованных и ответственных учительниц. Это были сёстры Зайцевы, которых звали Анна Ниловна, Александра Ниловна и Татьяна Ниловна. Александра Ниловна преподавала рукоделие, но больше всего времени с учениками проводила Татьяна Ниловна, учитель-энциклопедист. Она интересно, с душой и в то же время предельно доступно преподавала все необходимые предметы, имеющиеся в программе. Две сестры-учительницы – Анна и Александра – жили прямо в здании школы, в чердачном помещении второго этажа здания.

А Татьяна Ниловна вскоре вышла замуж. За приезжего. Муж её, Фёдор Васильевич Гладков, тоже был учителем. Мальчишки с цемзаводов говорили, что он революционер и бывший ссыльный. А сама Татьяна Ниловна как-то обмолвилась, что её жених, а потом и муж, пишет книги. И даже Максим Горький, известный пролетарский писатель, с ним переписывается. Нюся, как и другие любопытные ученицы, не упускали возможности как можно лучше рассмотреть этого жениха, когда он изредка энергичной походкой заходил во двор их училища.

– Не похож он на ссыльного, – со знанием дела говорила Миля Сысоева. – Когда мой двоюродный дядя из Сибири вернулся, он был кожа да кости. И кашлял сильно. А этот посмотрите, какой крепкий. Да и лицо упитанное и румяное. И голос громкий.

– У революционеров всегда голос громкий, – возражала Нюся. – Им ведь приходится речи на площадях говорить и песни петь. Видишь, какой у него взгляд решительный? И волосы развеваются. А причёска у него писательская.

Волосы у Гладкова были густые – довольно длинные, русые и волнистые. Он либо откидывал их назад, либо они распались надвое, открывая пробор. Нос и губы могли бы быть и тоньше, излишняя их мясистость несколько упрощала внешность жениха Татьяны Ниловны. Да и староват он был, на их девчачий взгляд. Но ведь и Татьяна Ниловна уже не девочка, ей, подумать только, уже двадцать шесть. Не успеет оглянуться, и тридцать.

– Как выйдет замуж, так дети пойдут, – по-старушечьи вздыхала Миля. – И останемся мы без учительницы.

– Мы всё равно в высшее пойдём, – уверенно заявляла Нюся. – А то и в гимназию, как наш Валя.

Павел Смородин настаивал на том, чтобы его старшая и единственная дочь получила хорошее образование. А двух классов начального училища, на его взгляд, было мало. И Мотя против таких планов ничуть не возражала. Учёба давалась их дочери легко и нисколько её не тяготила. Энергичная девочка успевала помогать отстающим подругам и всегда с удовольствием выполняла поручения Татьяны Ниловны – то в городскую библиотеку за книгами сходить, то навестить заболевших одноклассниц.

После школьных уроков дел у Нюси было невпроворот. Нужно было помогать маме управляться с младшим братом. А ведь имелось ещё и хозяйство – небольшой сад с огородом, где Смородины к тому же держали кур и выращивали поросят. Павел поначалу заявлял, что семья обойдётся без живности – живут ведь не в деревне, а в городе. Но глядя на то, как приспособливаются к нелёгкой трудовой жизни соседи, согласился с доводами хозяйственной Моти.

– Не побегу же я на рынок за пучком укропа, – говорила жена. – Да и отходов у нас наберётся, чтобы прокормить поросёнка. Чехи вон и коров держат, в горах травы на покос и на выпас хватает.

– Чехи за городом живут, у них там раздолье, – нашёл нужным заметить Павел. – А мы с тобой городские. Можно сказать, живём почти на Стандарте. Так что о корове и мысли не держи.

Чехи прибыли в Новороссийск чуть ли не раньше основной волны русских переселенцев. И решение Александра Второго разрешить селиться на Черноморском побережье инородцам оказалось весьма плодотворным. Жители Австро-Венгрии оказались лучше кубанских казаков и крестьян плодородных земель Средней полосы приспособлены к каменистым почвам Новороссийска и его средиземноморскому климату с засушливым летом и слякотной зимой. Так что деревня Мефодиевка, примыкавшая к быстро развивающемуся промышленному и портовому городу, по праву могла считаться чешской, а её жители вели вполне крестьянский образ жизни. И семьи чешские порой были достаточно большими. Статистика первого десятилетия двадцатого века гласила, что два процента новороссийского населения составляли именно чехи. Прижились они на новороссийской земле.

А ведь поначалу крепко сердились иностранные переселенцы на агронома Гейдука, который уговорил своих земляков податься в недавно завоёванный Россией край. Но сам Бедржих Гейдук, которого в России стали величать Фёдором Ивановичем, показывал землякам достойный пример подвижничества и трудолюбия. Именно его усилиями расцвело и стало центром виноградарства удельное имение Абрау-Дюрсо.

Кроме учёбы и домашних хлопот Нюся всегда выкраивала время на активный отдых. Плавать она научилась ещё до того, как пошла в школу. Учил её этому важному делу не кто иной, как родной дядя Валя. Младший брат Павла вообще рос парнишкой спортивным. Не обладая выдающимися физическими данными, он с детских лет интересовался гимнастикой и с интересом разыскивал все доступные газетные материалы про самые модные направления физической культуры и спорта своего времени.

–

И почему мне так не повезло? – восклицал Валериан, когда пришедший с работы брат сел за поздний ужин, и у гимназиста появлялась возможность поделиться наболевшим. – Живём в таком захолустье, что снега зимой почти не бывает. Я абсолютно уверен, что достиг бы успехов в фигурном катании, если бы у нас был хоть самый захудалый каток.

–

Ну, тут ты прав, – соглашался Павел. – Уж на недорогие коньки моих средств бы точно хватило. А вот на велосипед, о котором ты так мечтаешь, нам копить – целый год ни есть, ни пить.

–

Да что тут говорить, – возмущался дядя Валя. – И теннис, и футбол – всё стоит немалых денег. А гири меня не слишком привлекают.

–

Ещё бы они тебя привлекали, – не забыла вставить словечко Мотя. – С твоим весом скорее гири тебя поднимут, чем ты их.

Нюся прыснула в ладошку, живо представив себе, как дядя Валя сражается с неподатливыми гириями. Это ведь только в цирке огромные силачи с круглыми мускулами легко справляются с самыми невероятными тяжестями.

–

Вот и остаются мне ходьба да плавание, – со вздохом заключил Валериан, проигнорировав на этот раз неуважительное отношение к его спортивным интересам со стороны женской половины семьи.

–

Но ты же и физкультурой по утрам занимаешься, – нашла нужным заметить Мотя, чтобы как-то поощрить амбициозного племянника.

–

Уж тут-то я добьюсь хороших результатов, – решительно заявил дядя Валя. Ему было приятно, что его усилия по самосовершенствованию не остались незамеченными.

Свою племянницу Валериан любил тёплой братской любовью и с удовольствием передавал ей приобретённые навыки и умения. И ему было приятно осознавать, что именно его заслуга в том, что Нюся плавала намного увереннее и правильнее, чем её соседки-подружки.

Купальни Серафимова – это особый шик. Побывать там было мечтой, но, увы, несбыточной. Число дамских и мужских купальных кабинок с выходом в море ограничено, а цены на услуги кусаются. Поэтому удовольствие такого роскошного пляжного отдыха только для людей зажиточных. Для них все удобства – и грязелечебница с целебной грязью Суджукской лагуны, и очень полезный душ Шарко с холодной и горячей водой попеременно. И даже прилегающая к купальне кафе с читальней.

Но детям железнодорожников, цементников и портовых грузчиков, как, впрочем, и совсем мало оплачиваемой домашней прислуге, к комфортабельным купальням доступа не было. Там отдыхала избранная публика, состоявшая из городских чиновников, торговцев, судовладельцев и хозяев предприятий.

И Нюся с подругами часто задавалась вопросом, ходят ли в эти купальни гимназистки. Ведь большинство гимназисток из благородных. Не все богатые, но происхождение всегда смотрят, если хочешь поступать в гимназию. Нюсе вот тоже хотелось бы, но пока нужно закончить высшую начальную школу. Отец говорит, что все смогут бесплатно учиться в гимназиях и университетах, когда народ возьмёт власть в стране. А мама ему на это возражает, что учиться должны не все подряд, а только умные. Дурака учить – только портить. Но ведь и богатые порой дураками рождаются. Нюся даже знает таких. На Стандарте у кафе и гостиниц видела. Однажды даже на фырчащем автомобиле приезжали. С дамами расфуфыренными. Но вряд ли те дамы в нарядных модных платьях из гимназисток или учительниц. У тех правила строгие. И слывут они очень воспитанными интеллигентками и скромницами.

– А ты слышала историю, как гимназистка повесилась? – делая страшные глаза, спрашивала белобрысая соседка Маруся.

– Да уже весь город знает, – отвечала Нюся, с презрительной серьёзностью морща нос.

История была неприличная, и девушке, которая уже окончила гимназию и вот-вот должна была начать преподавание в одной из городских высших начальных школ, стоило хорошо подумать, прежде чем сгоряча кончать жизнь самоубийством.

– Моей маме их кухарка всё в точности рассказала, – взволнованно продолжила Маруся. – Пошла эта девушка в воскресный день в уборную, а крючок накинуть забыла. Думала, что дома она одна. А как раз в этот момент пришёл её жених, и его, как на грех, тоже прикрутило. Дёрнул дверь, а она там. Парень, понятное дело, смутился, извинился и пулей вылетел. А гимназистка-скромница позора не стерпела. Как, мол, она теперь в глаза жениху своему разлюбозному смотреть будет? И прямо там, из уборной не выходя, и привела свой приговор в исполнение. На перекладину чулок шёлковый привязала и спрыгнула вниз. А жених не подумал, что такое случиться может. Сильно убивался, да поздно. И надо же было ему так не вовремя... И родителям мучение, долго батюшку уговаривали, чтобы отпел.

Слушая соседку, Нюся задавала себе вопрос, смогла бы она совершить самоубийство, случись в её жизни подобные обстоятельства. Но вообразить нечто подобное было сложно – у них нужник находился во дворе, в специально отстроенном домике и представлял собой аккуратно вырезанную дырку в чуть приподнятом деревянном полу.

«И ничего страшного, – решительно сказала она себе. – Чай не баре, и так прекрасно обходимся. И женихов заводите не спешим. Тем более таких, кто ходит в гости через уборную».

Но в купальне ей побывать, конечно, хотелось. Посмотреть, как там всё устроено. Разве плохо спуститься из отдельного домика в изумрудные воды бухты, а потом подняться по той же лесенке внутрь и пить кофе, накинув на модный купальник пляжный халат? И взять книжку из читальни, чтобы насладиться увлекательным романом под шум морских волн. Но аккуратно, чтобы чужую книжку не обляпать кофейными брызгами.

– Лёля, а Лёля! – изнывала Нюся под соседским домом. – Купаться пойдёшь?

В дом к Мацюкам девочка заходить с недавних пор боялась. Сильно обидела она Лёлиных родителей. И Порфирий Кириллович, и Любовь Ивановна были с Украины, и говор у них был соответствующий. Хотя на Кубани тоже своя балачка – смешение не французского с нижегородским, а русского с украинским. Однако Новороссийск никогда чисто казачьим краем не являлся. И хотя и был во многом интернациональным благодаря своему портовому статусу и политическим решениям царя Александра Второго, но говорил в основном по-русски. Ведь, как ни крути, а основной костяк переселенцев двигался на юг из центральных областей России. Да и грамотной интеллигенции в городе хватало.

И надо же было Нюсе, когда они пили чай у Мацюков, вдруг продемонстрировать свои знания украинского, которых у неё никогда и не было. Ну, если не считать лихо исполняемой юной певицей для родных и соседей весёлой украинской песенки про дивку. У влюблённой героини этой народной песни был то ли очень трусливый, то ли очень хитрый возлюбленный. Он постоянно находил причины, чтобы не ходить на свидания. Делал вид, что боится не только её родителей, но и живущих в доме собак и кошек. Когда же дело дошло до мышей, дивка не стерпела и послала казака ко всем чертям.

*Дівка в сінях стояла,
На козака моргала:
"Ти, козаче, ходи,
Мене вірно люби,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Як до тебе ходити,
Тебе вірно любити?
В тебе батько лихий,*

*В тебе батько лихий,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Батька дома немає,
У шиночку гуляє,
А ти, серце, ходи,
Мене вірно люби,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Як до тебе ходити,
Тебе вірно любити?
В тебе мати лиха,
В тебе мати лиха,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Матері дома немає,
На хрестинах гуляє,
А ти, серце, ходи,
Мене вірно люби,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Як до тебе ходити,
Тебе вірно любити?
В тебе собаки лихі,
В тебе собаки лихі,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Я собакам угоджу,
Я їм хліба положу,
А ти, серце, ходи,
Мене вірно люби,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Як до тебе ходити,
Тебе вірно любити?
В тебе кішки лихі,
В тебе кішки лихі,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Я ж і кішкам угоджу,
Шматок сала підложу,
А ти, серце, ходи,*

*Мене вірно люби,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Як до тебе ходити,
Тебе вірно любити?
В тебе миші лихі,
В тебе миші лихі,
Серце моє,
Серце моє!"*

*"Коли ж мишей боїшся,
На воротах повіся,
Ізгинь, пропади,
А до мене не ходи,
Цур тобі, нек!
Цур тобі, нек!"*

И как с такими-то познаниями было не блеснуть перед соседями украинцами? Когда тётя Люба о чём-то спросила Нюсю на своём малознакомом диалекте, девочка живо переспросила: – Цоб цобе?

Нюся была полностью уверена, что именно так по-украински будет звучать «Что-что?». И совсем не ожидала, что Лёлина мама ошеломлённо уставится на неё, а дядя Порфирий, человек недобрый, тяжёлый и не склонный к сантиментам, вдруг разразится весьма злобной руганью.

Перепуганная и смущённая Анечка Смородина, поначалу ничего не поняв, пулей вылетела за дверь. И лишь спустя время забежавшая к ним расстроенная Лёля объяснила, что словами «цоб цобе» понукают на Украине волов. Павел с Мотей весело посмеялись, а Нюсе было не до смеха.

– Ишь ты, запрягла соседей! – пошутил отец.

Девочка очень надеялась, что родители как-то поправят дело и объяснят Мацюкам её ошибку. Но с портовым плотником Порфирием, человеком неприветливым, угрюмым и прижимистым, никому лишний раз связываться не хотелось. Лёля, к счастью, пошла не в отца, а в мать, была доброй и приветливой. А ещё серьёзной и тихой, всё больше читала книги и любила играть на имеющейся в их доме гитаре. И Нюсе очень не хватало общества такой замечательной закадычной подруги. Но теперь они встречались гораздо реже. Вот и в тот раз на море пришлось идти в компании других девчонок.

На промышленной стороне бухты имелась купальня Зорина с мостками, но подростки чаще довольствовались пустовавшим местечком на берегу в самом порту. Дно здесь было неухоженным и каменистым. По обе стороны высились портовые пирсы с различными приспособлениями для погрузки. Девчонки и мальчишки с Мефодиевки и Чеховки прекрасно освоили этот участок побережья. Парни постарше даже умудрялись нырять с причалов, когда рядом с ними не было пришвартованных судов.

Но в тот день, как назло, никаких парней поблизости не было. Зато в этот раз с ними увязалась Сашенька – дочка конторщика со станции. Она была чуть старше Нюси, но уж больно изнеженная – светлокочая и очень восприимчивая к палящему южному солнцу. Поэтому всегда брала на пляж соломенную шляпку и батистовую косынку на плечи. Мать старалась одевать Сашу понаряднее, и та, светловолосая и кудрявая, выглядела уже настоящей барышней. И купальный костюм у неё имелся, да такой, что не стыдно было бы надеть и в купальню Сера-

фимова. Но вот плавала она куда хуже Нюси. И даже хуже Маруси, которая значительно уступала Нюсе в мастерстве. Однако любила Александра покрасоваться и заплыть подальше.

Вот и опять не удержалась: не успели заболтавшиеся подружки оглянуться, а Сашенька уже чуть ли не до середины ближайшего пирса доплыла. Но тут она взглянула в сторону берега и наконец-то заметила, что Нюся с Марусей уже спокойно вышли из воды и отправились загорать. И, видно, охватила её паника, когда обнаружила, что она далеко в море и одна.

– И что это Шура там застряла? – встревоженно спросила Маруся, вглядываясь в полуденное море, покрытое мелкой рябью.

Нюся, уже вытершавшаяся полотенцем и улёгшаяся лицом вниз на взятой из дома подстилке, лениво повернула голову:

– Сейчас приплывёт, не волнуйся.

– Да она же плохо плавает, всё больше по-собачьи, как маленькая, – затараторила Маруся. – Нюсенька, я беспокоюсь. А вдруг она утонет? И мальчиков нет, чтобы прыгнули с пирса и её спасли. Вот хоть бы один был...

Живое Маруськино воображение уже рисовало картину героического подвига спасения подруги, неосмотрительно отдавшей себя грозной морской стихии. В жаркий летний день набежавший свежий ветерок поднял заметную волну. И тут она с ужасом увидела, что прекрасная героиня скрылась под водой.

– Нюся, она и взаправду тонет! – изо всех сил закричала Маруся. – Надо бежать звать кого-то.

– Беги и зови! – успела крикнуть ей Анна Смородина, решительно бросаясь в воду. На этот раз она не стала плыть своим любимым дамским брассом, а быстрыми уверенными саженками начала перекрывать расстояние, отделявшее её от тонущей Шурочки.

«Только бы не ошибиться, только бы не потерять её!» – молила про себя Нюся. Она не очень доверяла своим близоруким глазам.

Но утопающая всё-таки пыталась бороться за свою жизнь. Её голова показалась в нескольких метрах перед Анной, прежде чем полностью погрузиться в воду. И юной спасательнице осталось только быстро нырнуть следом, чтобы вовремя достать подругу, опускающуюся в морскую пучину. Откуда-то девочка знала, что утопающих нужно вытаскивать за волосы. И она обеими руками вцепилась в светлые густые кудри Сашеньки и изо всех сил начала колотить ногами, чтобы им вдвоём вынырнуть на поверхность.

Рук очень не хватало, и Нюсе вдруг показалось, что они не выплывут и погибнут вдвоём. Но такой расклад её совершенно не устраивал. Девочке понадобились все её силы и вся ловкость, чтобы оказаться на поверхности. Она с удовлетворением убедилась, что голова подруги находится над водой. Однако Саша нисколько не помогала, хотя и не производила впечатления утопленницы. Её лицо было искажено гримасой сильной боли, и Нюся приложила все силы, чтобы поскорее транспортировать пострадавшую к берегу.

Маруся встречала их не одна. С ней была взрослая женщина, а с ближних причалов уже спешили на помощь трое мужчин. Наверняка это были портовые грузчики, а не моряки. Моряков ведь можно издали узнать по полосатым тельняшкам.

– Надо вылить из неё воду, – задыхаясь от усталости и напряжения, произнесла Нюся, когда с помощью подруги и пришедшей на помощь женщины вытащила Сашу на прибрежные камни.

Однако утопленница вдруг начала подавать признаки жизни. Она довольно резво вскочила на ноги, и, согнувшись пополам, принялась самостоятельно отплёвывать горькую морскую воду – успела-таки наглотаться.

– Жить будет! – прокомментировал один из приблизившихся рабочих порта. – А ты молодец, чернявенькая, – с одобрением обратился он к Нюсе. – Сумела подружку вытащить.

Девочке были приятны эти слова, но ответить она не смогла, так как тоже отплёвывалась и никак не могла восстановить дыхания после стремительного заплыва, погружения и нелёгкой транспортировки пострадавшей к берегу.

– Ох, Нюся! – наконец произнесла Сашенька с укором. – И кто же тебя просил так сильно меня за волосы тянуть? А что, если ты мне скальп совсем оторвала и он обратно уже не прирастёт?

Анна Смородина прекрасно знала, что такое скальп, так как книги про индейцев и игры в них были очень популярны среди подростков.

– Так утопленников всегда за волосы вытаскивают, – со знанием дела заявила она, слегка нахмурилась. – А то ведь случается, что утопленник как вцепится в спасателя, так и утащит его на дно вслед за собой.

Грузчики, которых уже было трое, покатались со смеху. Но один из них, сжалившись над испуганной утопленницей, нашёл нужным сказать:

– Никуда твои кудряшки не денутся, без хорошего индейского ножа скальп ни за что не снять.

– Да что же вы при детях ужасы такие рассказываете, – возмутилась женщина, и, обратившись к девочкам, поторопила: – Ну-ка быстренько вытирайтесь, одевайтесь и по домам.

Вечером того дня к Смородиным постучала Сашина мама и с выражением искренней благодарности передала Нюсе большую и нарядную коробку конфет. Вечером вся семья отдала вкусных сладостей за вечерним чаепитием.

– Наверное, на Серебряковской куплено, – отметила Мотя, с любопытством разглядывая яркие розы на картоне изящной коробки. – На Стандарте в витринах я таких ни разу не видела.

А Нюся жевала шоколадную конфету с марципановой начинкой и втайне очень гордилась собой: и подругу спасла, и награду заработала.

– Эх, жаль, что я с вами на пляж не пошёл! – сокрушённо произнёс дядя Валя. – Я бы эту девочку вмиг вытащил. И меня бы в гимназии за этот подвиг непременно отметили.

16 октября 1914 года

«Небо проясняется, солнечные лучи играют над городом, мирно покоящимся перед нашими глазами. Невольно подымается чувство сожаления при мысли о том ужасе, который ожидает город через несколько часов. Но это только минутная слабость! Итак: око за око, зуб за зуб! Теперь для нас, немцев, наступил час расплаты, и поэтому долой всякие сожаления!»

(Из дневника немецкого матроса W. Wath)

Начавшаяся летом 1914 года Первая Мировая война не сразу затронула Новороссийск. Разумеется, город, как и вся страна, переживал мобилизацию, массивную агитацию и патриотические митинги. Россия готовилась помочь своим братьям сербам. Железнодорожники, особенно машинисты, мобилизации не подлежали, однако, как выражался Павел Смородин, вся их деятельность переводилась на военные рельсы. Ваня был ещё совсем мал, но вот Валериан, оканчивающий гимназию, уже приближался к призывному возрасту. Старшему брату не нравилась излишняя горячая активность дяди Вали, который порывался со своими друзьями отправиться на фронт добровольцем.

Аккуратный, хорошо воспитанный и интеллигентный Валериан в глазах старшего брата выглядел совсем не приспособленным к реальным боевым действиям.

– Ты бы лучше, Валя, на военфельдшера подучился, – по-отечески советовал старший брат младшему. – Сейчас санитарные поезда формируются. Всё больше пользы от тебя будет, чем в окопах. Там грязь да вши, а тебе с ними не по пути.

– Ты бы ещё мне предложил сестрой милосердия стать, – возмущённо фыркнул на это Валериан.

– А чем они плохи? – заулыбался Павел. – Была ведь Даша Севастопольская, а у нас будет Валя Новороссийская.

– Вечно ты зубоскалишь, – обиделся младший брат. – Сам решил в тылу отсидеться, а фронтовиков оскорбляешь.

– Какой же ты фронтовик, Валя? – поинтересовалась Мотя, зашедшая в комнату и услышавшая последнюю фразу. – Тебе ещё подрасти надо и стрелять из ружья научиться.

– Ой, Мотя, только ты не влезай в мужские разговоры, – надулся Валериан.

– А это ты своей Танюшке, а не мне высказывай, – отрезала Матрёна.

– Она пока не моя, – сдержанно отозвался её юный деверь. – Но Татьяна, в отличие от вас, меня понимает.

– А мы, стало быть, тебя не понимаем, – не без горечи усмехнулся Павел. – Поим, кормим, учим, заботимся в меру сил, а вот понимать не научились.

– Уймись, Паша, – обратилась к мужу Мотя. – А то получается, что ты брата куском хлеба попрекаешь.

– А хоть бы и так, – не стал сдаваться старший Смородин. – Он же меня попрекает тем, что я не подлежу мобилизации как железнодорожник. И представляет дело так, будто я трушу.

– Не приписывай мне того, чего я не говорил, – возмутился Валериан. – Это не я, а ты пытаешься унижить меня, предлагая стать фельдшером.

– Ничего унижительного в профессии фельдшера нет, – заметил Павел. – Это ведь почти доктор. Он людей спасает, а не убивает.

– Не то что твои эсеры, – не забыл отпарировать Валериан.

На это старшему брату возразить было нечего. Хотя в последнее время напряжённый труд, не менее напряжённая международная обстановка и увеличившаяся семья отдалили Павла Смородина от революционной деятельности. Стаечная молодость осталась позади, но он всегда был рад пообщаться с рабочими железнодорожных мастерских, которые в 1905 году выступали в авангарде революционных событий. Им было что вспомнить. И, случись новый революционный подъём в стране, за ним, Павлом Смородиным, и остальными новороссийскими железнодорожниками не заржавеет. Есть ещё порох в пороховницах, да и палец ещё помнит, как надо жать на курок. Учился вместе с товарищами стрелять и в горах на маёвках, и перед той памятной Первомайской демонстрацией, когда рабочие всем показали, кто в городе хозяева. И немцам покажем, если случится такая необходимость. Хотя если ты настоящий революционер, то должен понимать – немец немцу рознь. И войну разжигают капиталисты, а не простые работяги.

16 октября 1914 года был обычным будним днём. Как это зачастую бывает на юге, осень не спешила проститься с летом. Выглянувшее из туч солнце ласково пригревало побережье. И Новороссийск жил своей обычной жизнью. Заступали на утренние смены цементники и труженики других городских заводов и фабрик. В порту с раннего утра велись погрузо-разгрузочные работы. На рынках закипала бойкая осенняя торговля. Учебные заведения и городские учреждения привычно заполнялись учащимися и чиновниками.

Обыватели центра Черноморской губернии пока не догадывались, что подстрекаемая Германией Турция вступила в войну, и ещё в час ночи началась Севастопольская побудка. Такое ироничное название получила в Российской империи дерзкая морская диверсия турков, заставшая врасплох командование Черноморского флота. Стоит пояснить, что осуществивший успешную операцию турецкий флот был по большей части германским и находился под командованием немецкого адмирала Сушона. Но это ничуть не оправдывало тех, кто проспал и оказался не готов к неожиданному нападению врага.

Первой под удар турецких эскадренных миноносцев попала Одесса. В час ночи турецко-германские корабли беспрепятственно вошли в порт, не будучи распознанными как вражеские. Два эсминца начали обстреливать стоящие в порту суда, а также береговые сооружения. Была потоплена канонерская лодка «Донецк», погибло 33 человека её экипажа. Несколько русских и иностранных судов получили повреждения.

В 4:15 утра Севастополь получил радиogramму о нападении на Одесский порт, и адмирал Эбергард, командующий морскими силами Чёрного моря, объявил морякам о вступлении Турции в войну. В Севастополь на рассвете пожаловал флагман турецкого флота линейный крейсер «Гёбен» в сопровождении пары эсминцев. В 6:15 утра он был опознан, и началась напряжённая дуэль береговых и корабельных орудий. Обеим сторонам перестрелки мешала плохая видимость, но большого урона городу и находящимся в порту судам противник нанести не сумел.

Увы, минное заграждение не было вовремя активировано, так как Севастополь ждал прихода минного заградителя «Прут». И тот вернулся как раз в тот момент, когда «Гёбен» решил убраться восвояси из негостеприимного русского порта. Сопровождавшие «Прут» эсминцы пытались защитить своего подопечного, но мощные орудия турецкого флагмана не оставили им шанса. Понимая, что уйти не удастся, командир «Прута» принял решение о затоплении корабля. Не все члены команды сумели спастись – 30 человек погибли, 76 попали в плен. Турецкий минный заградитель «Нилуфер» под командованием капитан-лейтенанта Цедерхольма умудрился поставить несколько десятков мин на подходах к Севастополю. Да ещё и потопил русский почтовый пароход «Великий князь Александр», предварительно сняв с него людей в качестве военнопленных.

В 6:30 пришла очередь Феодосии, куда пришёл турецкий лёгкий крейсер «Хамидие». Небольшой порт не успел получить телеграмму о нападении на Одессу и Севастополь, но сошедшие на берег турецкий и немецкий офицеры любезно сообщили, что планируют обстрел. Дав три часа на эвакуацию населения, крейсер выпустил по порту 150 снарядов, а уходя из Феодосии, потопил встреченный на пути парусник с грузом соли и порожний грузовой пароход.

К Новороссийску направился минный крейсер «Берк-и Сатвет». Его название с оттоманского турецкого переводится как «Молния всемогущего». «Берк» был не одинок. У него имелся могучий напарник в лице лёгкого крейсера «Мидилли». Если бы кто-то задумался над тем, как переводится с турецкого языка это звучащее колокольчиком имя, то, возможно, нашёл бы, что оно означает «пони», маленькая лошадка. Но пристало ли грозному крейсеру носить столь несерьёзное название? Разумеется, нет. Мидилли – так турки называют остров Лесбос. Под недавно присвоенным турецким именем скрывался типичный немец – бронированный, быстрый и хорошо вооружённый четырёхтрубный «Бреслау». Стоит ли говорить, что и команды обоих кораблей не были чисто турецкими?

«Мидилли» слегка задержался в пути, так как ставил смертоносные мины в Керченском проливе. Они стоили жизни десятку моряков и торговым судам «Казбек» и «Ялта». А «Берк» появился в Новороссийской бухте в 7 утра. Пришёл этот относительно небольшой двухтрубный минный крейсер, коварно прикрывшись русским флагом. Дрейфуя в районе Западного мола, он спустил шлюпку с турецким офицером. Сошедший на берег турок был встречен портовым надзирателем Лавровым и вручил ему ультиматум для передачи начальнику порта. Бумага была составлена на четырёх языках – немецком, турецком, английском и французском.

– По-русски они, видите ли, ни бельмеса, – возмущался Лавров, когда в присутствии подполковника Гирша, начальника порта, передавал ультиматум портовому переводчику.

Все трое прекрасно понимали, что отсутствие текста на русском демонстрирует не только невежество турок, но и грубо выраженное презрение оттоманов и их немецких союзников к противнику.

Вскоре ультиматум был рассмотрен Черноморским губернатором Владимиром Николаевичем Барановским в присутствии Гирша и заместителя губернатора Риделя. Текст гласил, что прибывший в порт неприятель намеревается подвергнуть обстрелу «все ваши депо: хлебные, керосиновые и железнодорожные, и все заводы, которые принадлежат Русскому Правительству, а также все вражеские суда, оставшиеся в порту».

Посоветовавшись, приняли решение немедленно арестовать находившегося в Новороссийске турецкого консула, уничтожить секретные бумаги городской администрации, а имеющиеся в присутственных местах ценности срочно отправить на железнодорожный вокзал. Предстояло также организовать быструю эвакуацию населения.

Увы, об обороне города и порта думать было уже поздно. Основу военного гарнизона Новороссийска, находящегося далеко от фронта, составляли четыре подразделения: 229-я Донская и 582-я Кубанская дружины государственного ополчения, 7-я особая конная сотня Кубанского казачьего войска и подрывная команда 2-го Кавказского железнодорожного батальона. Все эти сухопутные силы не имели возможности противостоять ударам морской артиллерии. А шесть орудий, расположенных на развалинах турецкой крепости Суджук-Кале, тоже не могли дать достойный отпор противнику, так как прибыли в город только накануне и ещё полноценно не вступили в строй.

Городские чиновники предприняли ряд необходимых мер, чтобы обезопасить людей и по возможности не утратить контроль в условиях чрезвычайной ситуации.

Начальник тюрьмы Преображенский дал приказ срочно переправить поездом в Екатеринодар двадцать «каторжных» – наиболее опасных преступников, томившихся в тюрьме Новороссийска. Остальных же заключённых в количестве ста шестидесяти трёх человек начальник отпустил под честное слово.

– Вы уж не подведите меня, – напутствовал он арестантов. – Вернитесь на место, как только всё успокоится.

Большинство из отпущенных вернулось в тюрьму в тот же день.

На своём посту в подвергшемся нападению городе остался начальник почтово-телеграфной конторы Чередыев. Предварительно он отпустил весь свой персонал. Подполковник Мальдонато, тот самый, что в уже далёком 1905 году был запятнан расстрелом бастующих железнодорожников, вместе с низшими чинами взял на себя охрану канцелярии губернатора и жандармского отделения. Само же руководство города спешно покинуло ставшим опасным место на автомобиле и нашло прибежище на станции Тоннельной в 20 километрах от города.

Железнодорожники без передышки формировали состав за составом. Именно их самоотверженный труд позволил эвакуировать из опасной зоны значительную часть населения.

Первые часы после передачи ультиматума турецкий парламентарий находился на берегу, в распоряжении таможенников. У командира «Берка» Ганса фон Меллентина истекло терпение, и он дал приказ подойти ближе к молам, несмотря на возможную опасность минного заграждения. Минный крейсер поднял сигнал «Шлюпке вернуться к кораблю». Ротмистр Лебо, начальник пограничной стражи, не стал препятствовать возвращению турецкого офицера на борт.

Нелегко дался этот день Павлу и Матрёне Смородиным. Машинист уже находился на работе, когда поступило утреннее сообщение об организации срочной эвакуации. Началось формирование дополнительных составов, и Павлу оставалось только надеяться на то, что жена с маленьким сынишкой успеет дожидаться уже отправившихся на занятия старших и что все четверо вовремя сядут на отходящий в безопасное место поезд.

На железнодорожный вокзал нескончаемыми потоками устремились горожане.

К счастью, большинство отправилось в путь налегке или с небольшой ручной кладью. То ли понимали, что избыток багажа задержит эвакуацию, то ли просто не имели достаточно времени на упаковку громоздких баулов и чемоданов. Однако были и те, кто не забыл прихватить

не самое необходимое, но самое дорогое. Несколько дам в возрасте прижимали к груди своих питомцев, среди которых были не только разномастные коты, миниатюрные шпицы и болонки, но и упитанный французский бульдог. Домашние животные, попавшие в непривычную пугающую обстановку, вели себя тихо. Да и люди, стоящие на перроне в ожидании погрузки, старались не толкаться и не мешать слаженной работе железнодорожников. Но нервное возбуждение невольно вырывалось в эмоциональные перепадки. Мужчина в распахнутой меховой шубе возмущённо воскликнул:

– Что же это делается, господа! Неужто нам придётся пережить новый Порт-Артур?

– Наш военный флот непременно поставит распоясавшихся турок на место, – горячо заверил худенький парнишка из железнодорожного училища. Он вместе с товарищами был призван обеспечивать порядок на станции.

– Да где тот флот? – отозвался интеллигент с аккуратной острой бородкой. – И где береговая артиллерия? Опыт Крымской войны ничему наше командование не научил.

– Кто же ожидал, что турки осмелятся напасть? – заметил дребезжащим голосом седовласый морщинистый дедушка, держащий за руку малолетнего внука. – Мы их в своё время изрядно побиили. Уверены были, что кто-кто, а эти-то больше не сунутся.

– Какие там турки? – сердито отрезал интеллигент. – Уверен, что здесь действуют обнаглевшие немцы. Купили они Энвер-пашу с потрохами.

– И что же, город будет взят? – решила спросить испуганная дама в шляпке. К ней испуганно жались тепло одетые мальчик и девочка.

– Если высадится десант, всякое может случиться, – с видом знатока ответил интеллигент.

– Ну, это уж вы бросьте, – махнул рукой мужчина в шубе. – На суше у наших непременно будет преимущество. Соколовский с ребятами спуску не даст.

– Струсят турки, – убеждённо подтвердил дедушка. – Спасуют перед русской силой. Уж мне ли не знать этих басурманов? Они силу хорошо понимают, а вот со слабыми эти бестии жестоко расправляются: вмиг зарежут кинжалом или саблей своей кривой голову снесут.

– Были бы там только турки, – с сомнением протянул интеллигент.

– Как по мне, – решила со вздохом заявить женщина с детьми, – так лучше уж немцы. Всё-таки европейцы и христиане.

– Это вы бросьте, – безапелляционно оборвал её интеллигент. – Хрен редьки не слаще.

Люди встревоженно замолчали, обдумывая сказанное. В это ясное утро будущее города казалось весьма туманным.

Павел Смородин, приведя свой первый состав на ближайшую станцию Тоннельную и высадив людей, делился с молодым помощником Петром терзавшей его тревогой:

– Хорошо тебе, Петя, твои старики уже здесь. А я не знаю, где сейчас мои и что поделяют. Мотя наверняка управилась, она у меня понятливая, да и Нюсе от её высшего училища

до дома четверть часа ходьбы быстрым шагом. А вот Вале из центра на Мефодиевку шагать и шагать. Как бы не опоздали, если начнут друг друга ждать да искать.

– Да не переживайте вы так! – убеждённо отвечал Пётр. – Вон как слаженно станция работает, всех погрузить успеют. Я-то боялся, что на вокзале настоящая ходынка начнётся. Но нет, пока порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.